

Исторический журнал: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Богданов А.П. — Польская кампания А.В. Суворова 1794 г.: правда и мифы // Исторический журнал: научные исследования. – 2023. – № 6. – С. 188 - 214. DOI: 10.7256/2454-0609.2023.6.69022 EDN: FNIZAI URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69022

Польская кампания А.В. Суворова 1794 г.: правда и мифы

Богданов Андрей Петрович

доктор исторических наук

ведущий научный сотрудник, Институт российской истории, Российская академия наук

117036, Россия, г. Москва, ул. Дмитрия Ульянова, 19, оф. 40

✉ bogdanovap@mail.ru

[Статья из рубрики "Проблемы войны и мира"](#)

DOI:

10.7256/2454-0609.2023.6.69022

EDN:

FNIZAI

Дата направления статьи в редакцию:

18-11-2023

Дата публикации:

24-12-2023

Аннотация: Легендарность личности Александра Васильевича Суворова серьезно затрудняет исследование его мыслей и деяний, заставляя ученого подходить к анализу источников особенно критично. Тем не менее, объективный взгляд на развитие мысли Суворова и основанные на его идеях и убеждениях действия вполне возможны. Статья показывает это на примере одного, сравнительно краткого события биографии полководца: польской кампании 1794 г. Автор отмечает и домыслы о суворовском походе как карательной экспедиции, и укоренившиеся в русской историографии представления о лихом набеге, устроенном Суворовым на Варшаву с малыми силами. Достоверные источники свидетельствуют, что поход полководца в Польшу был не только предпринят им с гуманными целями, но и тщательно организован для быстрой победы с помощью массированной, хорошо обученной им в пути армии. Идеи Суворова, его инструкции войскам и диспозиции главного сражения за Варшаву изучены по подлинным документам и письмам полководца, соотнесенным со всем комплексом оставленных им

источников. В статье рассмотрены обстоятельства похода Суворова в Польшу, его инструкции по подготовке и обучению войск действиям в новой кампании, распоряжения о бережном отношении к мирному населению. Впервые точно подсчитано количество войск, сосредоточенных полководцем для штурма Праги, предместья Варшавы, и рассмотрен ход штурма города превосходящими силами. Объективные данные опровергают как западную, так и позднейшую русскую публицистику, обвинявшую войска Суворова в излишней жестокости. Исследование показывает, что вся организация Суворовым действий русской армии была направлена на защиту мирного населения Польши, и Варшавы в частности, от последствий войны, и что эти действия были успешными. Полководцу удалось не только предотвратить разрушение столицы Польши, но и спасти значительную часть мирного населения Праги.

Ключевые слова:

Суворов, Румянцев, Репнин, Польское восстание, Варшава, Прага, Раздел Польши, Екатерина Великая, Потемкин, Сераковский

Александр Васильевич Суворов (1730–1800) – фигура хрестоматийная. Его подробные биографии начали издаваться ещё при жизни генералиссимуса [\[15\]](#) и усердно издаются доселе [\[2\]](#) [\[19\]](#) [\[4\]](#) [\[71\]](#) [\[53\]](#) [\[39\]](#) [\[62\]](#) [\[8\]](#) [\[68\]](#) [\[3\]](#) [\[30\]](#) [\[38\]](#) [\[45\]](#) [\[18\]](#) [\[50\]](#) [\[6\]](#) [\[55\]](#) [\[57\]](#) [\[41\]](#) [\[73\]](#) [\[74\]](#). Крупные труды посвящены отдельным периодам и сторонам жизни и военной деятельности полководца [\[71\]](#) [\[31\]](#) [\[17\]](#) [\[59\]](#) [\[50\]](#) [\[40\]](#) [\[46\]](#) [\[47\]](#) [\[58\]](#) [\[27\]](#) [\[43\]](#) [\[42\]](#) [\[37\]](#) [\[25\]](#) [\[69\]](#) [\[63\]](#) [\[35\]](#) [\[56\]](#). Деяния и военная мысль Суворова рассмотрены в солидных сборниках статей [\[67\]](#) [\[9\]](#) [\[11\]](#) [\[65\]](#). Изданы бесчисленные анекдоты об Александре Васильевиче, среди которых есть ценные заметки людей, хорошо его знавших, таких, как князь П.И. Багратион (в передаче его адъютанта Старкова) [\[21\]](#) [\[34\]](#) [\[70\]](#) [\[28\]](#) [\[61\]](#) [\[64\]](#) [\[14\]](#) [\[54\]](#) [\[11\]](#). Обзор чрезвычайно обширной, но в основном публицистической литературы о Суворове занимает целые книги [\[49\]](#) [\[12\]](#). Письменное наследие самого полководца, детально характеризующее его жизнь, мысль и труды, издавалось с XIX в. [\[26\]](#) [\[51\]](#) [\[52\]](#). К настоящему времени оно полностью опубликовано в научных изданиях [\[24\]](#) [\[10\]](#) [\[66\]](#).

Несмотря на солидность исследований и публикаций о Суворове, мы не можем констатировать, что жизнь, военная мысль и деяния лучшего полководца России нам сегодня хорошо известны и понятны. Даже основные факты его биографии, включая дату рождения, вызывали до недавнего времени сомнения. Лишь в конце XX в. было окончательно установлено, что величайший русский полководец родился 13 ноября 1730, а не 1729 г. Но главным недостатком литературы о Суворове была и остаётся не фактология, а отказ исследовать его собственную мысль в её прекрасно выраженном им самим развитии.

Ситуация парадоксальная: все сколько-нибудь существенные материалы о его жизни и деятельности старательно выявлены и прекрасно опубликованы. Главные издания документов и писем Суворова придерживаются хронологического принципа расположения материала. Они прямо указывают на то, что мысль Суворова надо изучать в её развитии. Тем не менее, среди многочисленных книг о генералиссимусе такой попытки нет. Складывается впечатление, что величайший русский полководец вообще не размышлял, а просто родился с набором победоносных идей. Но каких именно идей?

По-настоящему понять любую человеческую мысль мы можем только в её развитии, причём в формулировках самого мыслителя. Однако историки, изображая Александра Васильевича как бронзовый памятник, не ограничились подробным описанием его деяний. Они на протяжении двух столетий подменяли жизнь и мысль Суворова мифом о изначально непобедимом полководце без всякой тени сомнений. И, на мой взгляд, цинично, изменяли его слова так, как им казалось красивей.

Классическая цитата в литературе: «Каждый солдат должен знать свой манёвр». Но Суворов писал иначе: «Каждый солдат должен **понимать** свой манёвр» [\[10, т. IV, № 24\]](#). – Оцените разницу между понятиями «знать» и «понимать»!

Описывая тактику Суворова, цитируют его кредо: «глазомер, быстрота, натиск». Подлинное изречение полководца гласит:

«Вот моя тактика:

отвага, мужество,

проницательность, предусмотрительность,

порядок, умеренность, устав,

глазомер, быстрота, натиск,

гуманность, умиротворение, забвение» [\[66, с.386\]](#).

Вначале воинский дух, затем – изощренный ум и дисциплина, после них – точная, стремительная и сильная атака, наконец, как цель разбития неприятеля – гуманный мир.

В мифотворчестве коллегам помогла огромная литература псевдовоспоминаний и анекдотов о Суворове, изданная в первой половине XIX в. Немногим, подобно Д.А. Милютину [\[39\]](#) [\[40\]](#), И.И. Ростунову [\[57\]](#) и В.С. Лопатину [\[35\]](#), удавалось уйти от неё, погружившись в подлинные документы и письма полководца, который с величайшей серьёзностью думал над каждым своим словом.

Достоверность всех данных и цифр, точность выражений и тщательный выбор слов Суворов считал одним из краеугольных камней военного искусства. Отношение Суворова к слову с энтузиазмом изучали филологи. Полководец оставил после себя большое количество текстов на нескольких языках (в основном на русском, французском и немецком). Писал он и стихи. Причём хорошие. Вот дружеская эпиграмма на князя Потёмкина:

«Одной рукой он в шахматы играет,

Другой рукою он народы покоряет,

Одной ногой разит он друга и врага,

Другую топчет он вселенны берега» [\[66, с. 468-469\]](#).

Суворов был не чужд общественной и литературной жизни, так что исследования филологов помогают понять его характер. Но в первую очередь он был гением, который совершил в военном искусстве переворот такого масштаба, что в конце жизни оценил себя просто: «Никому не равен. Желать ли мне быть равным? – переспросил он, выделяя важность вывода, и повторил: «Судите – **никому не равен**» [\[66, с. 395\]](#).

Что значит это «не равен»? Мы знаем, что полководец восхищался предшественниками и стремился догнать их: принца Евгения Савойского и маршала Тюренна, Ганнибала и Цезаря. Он называл вторым отцом генерала Фермора, а равным – генерала Вейсмана. Он радовался, когда обходил военных гениев. «Я лучше прусского покойного великого короля, – заметил он Павлу I, поклоннику Фридриха Великого – я, милостию Божиею, баталии не проигрывал» [\[10, т. III, № 593\]](#). А после победоносных Итальянского и Швейцарского похода гордо сказал: «Выбери себе героя, догоняй его, обгони его! Мой герой Цезарь. Альпы за нами и Бог перед нами! Орлы Российские облетели орлов Римских!» [\[70, с. 140\]](#) Но на исходе жизни, подводя её итоги, выше себя примеров он действительно не знал. И потому на своей могиле велел написать: «Здесь лежит Суворов». – Ни чина, высшего в армии. Ни титула графа двух империй. Ни даже инициалов.

Он надеялся, что потомки его поймут. Филологи, кстати, мощь и достоверность Суворовского слова оценили. И они же, в отличие от историков, подчеркнули, что Александр Васильевич – не просто «Генерал Вперёд!», а чрезвычайно умный и предусмотрительный человек, не надеявшийся на военное счастье и несгибаемую стойкость своих «Чудо-богатырей». Командуя «Вперёд!», он даже на пике своей военной карьеры тщательно готовил всё для надёжной победы, не забывая и пути возможного отступления.

Суворов «был щастлив потому, что повелевал щастьем» [\[10, т. II, № 272\]](#). На придворную клевету он отвечал с иронией: «Сегодня – счастье, завтра – счастье, помилуй Бог, надо же когда-нибудь и уменье!» [\[10, т. II, № 209, 210\]](#). Но как же ему удавалось побеждать всех, всюду и всегда? В чем состояла тайна суворовской военной мысли? Это, как ни странно, вопрос, на который мне при написании книги о великом полководце пришлось отвечать самостоятельно [\[16\]](#).

Военные историки не ответили на него в силу разных, в том числе политических причин. Например, кто мог написать, что сакральный полководец очень часто своими войсками не командовал? У нас есть описания сражений, в ход которых Александр Васильевич вообще не вмешивался, потому что выиграл битву до её начала. Есть документы, где полководец требует от офицеров ему не докладывать, приказов не ждать, а действовать по обстановке в рамках самой общей диспозиции. Побеждать должна была инициатива тех, кто сражается, а всё войско действовать, как единый организм. Эта органическая теория была развита Суворовым чрезвычайно подробно. Но суть в том, что **все** его идеи были органичны этой единой теории, понять которую читатель сможет из моей книги. И ни одна идея не может быть рассмотрена в отрыве от неё.

Могучая личность Суворова, одним своим появлением на поле боя менявшего психологию русских и даже австрийских солдат – а эти чудеса зафиксированы в источниках – заслонила от историков тот факт, что побеждал всё-таки не один маленький сухонький генерал, который сам смеялся над своей немощью, а могучая мыслительная конструкция, которую он создавал десятилетиями, и которая на века опередила его время. Опередила и в целом, и в отдельных её аспектах, например, логистике.

Все слышали о невероятных суворовских походах, когда его солдаты, как на крыльях, пролетали огромные расстояния с невозможной скоростью. Суворов не делал секрета из своего метода. Начиная с перехода Суздальского пехотного полка, примчавшегося в Смоленск из Старой Ладogi за 30 дней, одолев 927 км. по плохим дорогам в ноябре-декабре 1768 г. Армия Румянцева, которая будет наступать в следующем году от Рябой

Могилы к Ларге и Кагулу, потеряет на втрое меньшем расстоянии треть состава. У Суворова итог другой: один солдат скончался, родин бежал и трое было оставлено в пути в госпиталях, а в основном «люди и лошади здоровы» и готовы к новым походам. Секрета нет: полк, по словам Суворова, одолел переход **«на колёсах»**. Он просто посадил солдат на подводы, а вся проблема состояла в починке «весьма дурных» переправ и упреждающей работе квартирмейстеров [\[66, № 4\]](#).

К пониманию подлинного величия полководца, ничего не оставлявшего на волю случая, ведёт лишь один путь. Это тщательное исследование документов, уяснение мысли Суворова и оценка его решений в целом, со всеми предшествующими соображениями, подсказанными десятилетиями трудной практики. Вы скажете, что это естественный путь научного анализа. Верно. Тем более необходимо идти этим путём в изучении мысли и деяний полководца, не желавшего ничего для себя и всю жизнь отдавшего славе России.

* * *

Спасение Варшавы и освобождение Польши от бунтовщиков в 1794 г. – великий и незаслуженно обойдённый историками подвиг Суворова. Вокруг него нагромождено много лжи и стыдливых умолчаний. Это странно. Сам Суворов, ставивший во главу угла человеколюбие и чтивший «добродетель», без которой «нет ни славы, ни чести», своим вторым Польским походом гордился. Армия, которую он в ходе кампании сформировал и обучил, с блеском выполнила главную задачу вооружённых сил: она стремительно ликвидировала войну.

Именно война была главным врагом Суворова. Она требовала крови солдат и бесчисленных жертв от мирного населения. Задача солдата была защищать мирных людей, причём всех, а не только подданных России. И защищать не просто в процессе войны, а «предпобеждая» бедствия, неизбежно продолжением войны влекомые. Второй главной ценностью после жизни и благополучия мирных людей были для Суворова жизнь и здоровье его солдат. Третьей, почти столь же важной – жизнь неприятелей, сражавшихся против русских с оружием в руках. Только стремительный разгром их главных сил позволял Суворову обходиться минимальными жертвами среди противников, будь то турки, поляки или французы.

Задачами армии, которые Суворов сформулировал к концу первой Польской кампании 1769–1772 гг. и упорно развивал в дальнейшем, было пресечение войны и спасение жизней людей – в указанной последовательности – путём стремительного разгрома главных сил неприятеля, лишения его способности к сопротивлению и умиротворения милосердием.

В Польской кампании 1794 г. главные задачи армии были выполнены идеально. Длительность военных действий Суворов свёл к потрясшему всех минимуму. Мирное население подверглось минимальному воздействию войны, которая вначале виделась всем долгой и кровавой. Потери русских войск были невелики даже для Александра Васильевича. Потери польских солдат и ополченцев не превысили 15 %. Большинство поляков сложили оружие и получили свободу «с забвением всего происшедшего».

Пострадали лишь амбиции части шляхты. Но они в последние века страдали регулярно. И не могли не страдать, поскольку ни в малой степени не соответствовали историческим реалиям. Не в силах сражаться против Суворова оружием, отпущенные победителем на свободу лидеры повстанцев, а также их зарубежные союзники распустили по Европе нелепые слухи о кровожадности Александра Васильевича, особенно при освобождении

им Варшавы. Они не соответствуют характеру и убеждениям Суворова, его поведению во всех остальных кампаниях, а также достоверным фактам о потерях русской и польской сторон при штурме укрепленного предместья Варшавы – Праги.

Обвинения в адрес полководца со стороны тех, кого он победил и отпустил – на конях, с личным оружием (многих во второй, а некоторых в третий раз, чтобы в 1799 г. встретить их в Италии, победить и вновь отпустить на «честное слово», что для шляхты значило – пустой звук) – прекрасный пример исторической иронии. Особенно активно эту нелепость муссировали газеты Англии, неизменно поливавшие русских грязью в моменты, когда английские политики не спасали свою страну русской кровью.

После того, как Россия оказала Англии услугу, победив Наполеона, «Таймс» 26.01.1818 г. разразилась статьёй о Суворове: «Хотя свирепость его распоряжений хорошо известна по ужасным жертвам Очакова, Измаила и Праги (где 60000 поляков были принесены в жертву его мстительности), иногда он демонстрировал куда более экстравагантный пыл жестокости. В отношении французов, в особенности, он испытывал некий род яростного отвращения» и т.п. – Версия забавная, учитывая, что в Итальянской кампании 1799 г. Суворов щадил французов и отпускал их офицеров, а Ушаков поссорился с Нельсоном из-за кровожадности англичан, убивавших пленных ...

Вообще обвинения Суворова в кровожадности стали лакмусовой бумажкой бессилия и нечистой совести. Наполеон Бонапарт, предательски бросивший свои войска в Египте, чтобы совершить военный переворот в Париже, оправдывался тем, что Суворов, этот «варвар, залитый кровью поляков, нагло угрожал французскому народу». «Страшный русский фельдмаршал Суворов, этот получеловек и полудемон в одном лице, – оправдывался Наполеон, – собирался перейти Сен-Готард ... Ситуация было не просто плохой – она была очень плохой. Никто не мог удержать русского фельдмаршала Суворова, который разбивал любую посылаемую против него армию».

Нелепые обвинения против Суворова могут представлять интерес при анализе характера и намерений лиц, их выдвигавших. К Александру Васильевичу они имеют отношение лишь в том смысле, что до сих пор используются недобросовестными историками и публицистами, имеющими целью ложью «освежить» свои бессмысленные суждения о полководце, действия и мотивы которого не умеют и не пытаются понять.

Исследования кампании 1794 г., как в общих трудах, так и в специальных работах [\[75\]](#) [\[62, ч. 2\]](#) [\[29\]](#) [\[44\]](#) [\[23\]](#) не дают ясной картины происходившего, прежде всего, с точки зрения мысли Суворова. Между тем, смысл сложного комплекса мероприятий по спасению Польши от бунтовщиков он детально раскрыл в своих письмах и документах [\[10, т. III. № 354–428\]](#) [\[66, № 465–503\]](#). Именно к ним мы и обратимся.

* * *

Катастрофу, случившуюся в Польше в 1794 г., можно было предотвратить. Речь Посполитая кипела уже летом 1792 г. 21 июня Суворов, находясь в Финляндии, подал императрице прошение в переводе в Польшу, дабы тамошние волнения «приняли скорый конец». «Польские дела не требуют графа Суворова! – Написала в ответ императрица. – Поляки уже просят перемирие» [\[10, т. III, № 130\]](#). Так и произошло. Русские и прусские войска вступили в Польшу и утвердили власть короля Станислава Понятовского. 23 января 1793 г. соседи договорились о втором разделе Речи Посполитой, по которому Екатерина Великая получила белорусские и украинские области. Около 280 тыс. км² и 3 млн. православных, с согласия польского сейма, были освобождены от власти

католического шляхетского государства и воссоединились с землями Древней Руси.

Начало Польского восстания 1794 г. под предводительством Тадеуша Костюшко [\[1\] \[7\] \[5\] \[22\] \[76\]](#) Суворов встретил на Юге России, куда был командирован из Финляндии в связи с угрозой турецкой войны рескриптом Екатерины II от 10 ноября 1792 г. [\[10, т. III, № 175\]](#). Возглавив войска Екатеринославской губернии, Тавриды и вновь присоединённых земель между Бугом и Днестром, Александр Васильевич энергично занялся поправкой здоровья солдат и их обучением, налаживанием снабжения, строительством крепостей и дальней разведкой – вплоть до состава французской эскадры, двигавшейся к Дарданеллам. Слух об этом назначении быстро дошел до правительства Турции – Высокой Порты – и, по словам русского резидента в Стамбуле А.С. Хвостова, изрядно отдалил возможность войны, к которой толкали турок революционные французы.

В Новороссии Суворов занимался не только военным делом. Он буквально повсюду оставил свой след в виде городов, крепостей, портов, общественных зданий и храмов [\[10, т. II, № 175–353\] \[66, № 423–503\]](#). Но главным его детищем, разумеется, была армия. Прибыв на Юг, Суворов не удовлетворился отчётами о состоянии войск. Он провёл тщательную их ревизию, уволив неспособных к службе солдат, обеспечив судьбу инвалидов и составив «табель о числе войск» с указанием числа здоровых, больных и командированных солдат и офицеров, с исчислением требуемых «вдобавку» до штатной численности каждого подразделения. Не менее тщательной ревизии подверглись магазины и склады [\[10, т. III, № 196, прилож. 1–2\]](#). Александр Васильевич приложил чрезвычайные усилия к восстановлению численности и обеспечению войск, прежде всего за счёт повышения уровня санитарии, улучшения работы врачей и госпиталей, излечения больных и «возвращения к частям неправильно командированных». Его заботы касались каждого ствола артиллерии, каждого военного врача и ученика военно-хирургического училища, каждого фельдшера и колеса обоза, каждого погонщика армейского подвижного магазина. На основе тщательного анализа причин высокой смертности, которую Суворов застал на юге, им были утверждены «Правила медицинским чинам» [\[10, т. III, № 257, прилож. 1\]](#) о защите здоровья и жизни солдат во время мира и в боях.

Войны не случилось, но для оценки дальнейших событий важно понимать, что ее отсутствие стало для турок спасением. Прежде, чем пересмотреть существующую в литературе концепцию похода Суворова в Польшу, нужно учесть, что перед этим, на Юге России, Суворов тщательнейшим образом приготовил всё к войне, получил детальные данные о противнике и составил точный военно-политический план разгрома Османской империи [\[10, т. III, № 281–282\]](#). Сохранение турками Стамбула, который должна была взять армия Суворова и флот Ф.Ф. Ушакова, обернулось спасением Польши, в которой дела Австрии, Пруссии и России шли из рук вон плохо.

В отличие от минувшего польского восстания, с которым Суворов успешно боролся в 1769–1772 гг., теперь поляки действовали не анархически. В восстании под предводительством Тадеуша Костюшко участвовали прекрасно обученные польские войска под предводительством опытных генералов. В Пасхальную ночь 7 апреля 1774 г. безоружный по случаю торжественного богослужения 12-тысячный русский гарнизон в Варшаве был внезапно атакован, понес тяжкие потери и с трудом вырвался из города. Польские выпускники лучших европейских университетов, руководившие восстанием, четко организовали резню гражданского населения: русских и всех не сочувствовавших мятежу. Убито было до 4 тыс. человек [\[66, № 470\]](#). Полностью взяв в свои руки

командование армией, повстанцы к августу отразили русское и прусское наступление на Варшаву, выбили австрийцев из Люблинского воеводства и потеснили корпус фельдмаршала Н.В. Репнина в Литве.

Конечно, силы сторон были неравны. В самой Польше царил разлад. Двинув туда серьезные армии, три великие европейские державы имели все шансы подавить восстание и буквально выжечь польскую землю. Суворов, именно в первом своем походе в Польшу уяснивший, что его врагом является именно война, которая для многих ее участников была как «мать родна», был уверен, поляки могут надеяться только на чудо. И оно явилось в лице Суворова.

Первоначально Александр Васильевич, занятый подготовкой к «настоящей войне», скептически отнёсся к вестям об очередных волнениях в Польше и указу Екатерины II о расформировании польских войск от 23 апреля 1794 г. [\[10, т. III, № 308, 313\]](#). Указ, объявлявший о командовании князя Репнина боевыми действиями в Польше и отделении ему части войск корпуса И.П. Салтыкова, требовал от Суворова растянуть его правое крыло до Брацлавской и Изяславской губерний. Естественно, Суворов этого делать не хотел, о чём известил Салтыкова 6 мая [\[10, т. III, № 313\]](#); напротив, он сам ожидал от Салтыкова войск «во вновь приобретённые области» по Днестру [\[10, т. III, № 314\]](#). Тем не менее, предполагая неизбежность нового рескрипта «матушки-императрицы», он 7 мая отдал приказ о подготовке войск к перемещению [\[10, т. III, № 315\]](#). 8 мая он уже начал действовать [\[10, т. III, № 316\]](#). А 10-го поступил под начало фельдмаршала П.А. Румянцева, возглавившего войска на Юге России [\[10, т. III, № 317, 321\]](#).

Это назначение могло связать Суворову руки в турецкой войне, но оказалось спасительным для Польши. Передавая Румянцеву ответственность за безопасность Юга России, Александр Васильевич в мае с нарастающим интересом занялся вопросами мирного разоружения поляков в Брацлавской губернии [\[10, т. III, № 319, 327\]](#). Одновременно ему было поручено завершить укрепление турецкой границы [\[10, т. III, № 322\]](#). Но в Польше шла война, а турки, по данным Суворова, воевать пока не собирались. Не удивительно, что 25 мая 1774 г. Суворов рапортовал Румянцеву, что выступил в Брацлавскую губернию сам [\[10, т. III, № 329\]](#), а 13 июня просил у него разрешения выступить в Польшу, дабы избежать «томной праздности», с ироничным обещанием умиротворить бунт и «поспеть к строению крепостей» [\[10, т. III, № 331\]](#). Из письма Суворова его старому боевому товарищу И.М. де Рибасу мы знаем, что решение лично «покончить дело в Польше» было принято полководцем уже 4 июня [\[66, № 466\]](#).

Мотивы свои Суворов обозначил в письме де Рибасу от 14 июня. Он знал, что старший брат фаворита императрицы генерал-майор Николай Зубов, будучи поверенным в делах в Варшаве и бежав оттуда, усилил панические настроения при дворе; что Валериану Зубову, выехавшему к войскам Репнина в Польше, для приобретения славы Ахилла выгодно «не спешить с окончанием дела» – как это было в прошлую Польскую кампанию, которую Суворову всеми силами не давали закончить [\[16, с. 119–185\]](#). Наживаться на войне, на крови солдат и страданиях населения, он позволить не мог, хотя и был в польском раскладе никем.

Главкомандующим в Польшу был назначен сильно и заслуженно нелюбимый Суворовым князь Н.В. Репнин. Младше Суворова на 4 года, он опережал его в карьере, хотя больше блистал на дипломатической службе, чем на военной. Победа Репнина при

Мачине в 1791 г. была решительной и вполне «суворовской», с малыми потерями. Однако она была украдена, ведь именно Репнин убедил Потёмкина при отъезде того в Петербург передать командование ему, а не Суворову, который «поведёт армию в Царьград или сгубит» [\[36, с. 23\]](#). Больше всего Суворов боялся, что Репнин в Польше поведет ту же политику, что и прежде, когда он был послом в Варшаве и реально руководил многолетним разорением, если и не поспособствовал, как говорили, Барским конфедератам (1764–1769). «Князь Репнин – главнокомандующий войсками в Польше и Литве», сетовал Суворов, а «я осуждён быть инженерным кондуктором» [\[66, № 468\]](#).

Увы, дело обстояло еще хуже. Назначенный 30 апреля главнокомандующим, Репнин не получил ни полномочий, ни права выехать из Риги к войскам, не то что в район Варшавы, но даже в Брест. Президент Военной Коллегии генерал-аншеф Н.И. Салтыков, в делах военных полный ноль (последний раз он нюхал порох в 1769 г.), ревновал не только к Суворову, которому портил кровь и в Финляндии, и в Новороссии, но и к Репнину. Суворовым нельзя было управлять точно, но Салтыков сомневался, что и Репнина можно удержать на коротком поводке, окажись он на театре боевых действий. Все руководство военными операциями Салтыков взял на себя. Репнин лишь 29 июня получил разрешение выехать из Риги, но только в Несвиж. Результат руководства директивами из Петербурга был катастрофичен. Через месяц русские войска очистили Польшу и Литву. 1 августа Репнин взял Вильно, но сам оказался в окружении партизан. Связанный по рукам и ногам, и в то же время ответственный в глазах общества за все, Репнин подал в отставку. 1 сентября Екатерина отказала ему. Русские войска были готовы стать на зимние квартиры, война уже явно стала затяжной.

Предвидя такое развитие событий, Суворов забрасывал фельдмаршала просьбами отпустить его в Польшу. Румянцев прошений Суворова не замечал, хотя 24 июня принял его и говорил весьма ласково [\[66, № 471\]](#). 30 июня Александр Васильевич попробовал обратиться к фавориту императрицы Платону Зубову, прозрачно намекая, что своим мечом мог бы «пожар» восстания «вмиг затушить» [\[10, т. III, № 333\]](#). Не получая ответов, Суворов информировал Румянцева о продолжении движения войск в Литву [\[10, т. III, № 336, 339, 340\]](#), не забывая выполнять командные обязанности на Юге России. 24 июня он молил фельдмаршала освободить его от обязанностей «инженера» [\[10, т. III, № 346\]](#), а императрицу просил отпустить его волонтером в союзные войска (Австрии против французов), поскольку у русской армии не имеет «воинской практики», соответствующей его званию [\[10, т. III, № 347\]](#). Суворов действительно был погружён мыслями в войну англичан и австрийцев против революционной Франции, предвидя «неслыханные с XII столетия опустошения» и желая помочь их избежать [\[66, № 474\]](#). 2 августа императрица ответила ласковым, но твёрдым отказом [\[10, т. III, № 351\]](#).

И все-таки демарши Суворова имели успех. 7 августа, когда дела в Польше и Литве были уже хуже некуда, Румянцев отпустил его для действий в Польше и Литве, выразив надежду, что полководец победит всех своим славным именем; обученные Суворовым войска должны были остаться на Юге России. Впрочем, в Хельмском и Люблинском воеводствах Александр Васильевич мог подчинить себе два корпуса, в сумме 6 батальонов пехоты, 10 эскадронов кавалерии, 500 казаков и 8 полевых пушек [\[10, т. III, № 354\]](#). Но выступить из Немирова в Литву 14 августа Суворов смог лишь с 2 полками и 2 батальонами [\[10, т. III, № 355\]](#). По пути он присоединял разрозненные отряды. Румянцев был прав: при одном звуке имени Суворова повстанцы оставили Вильно. Но одновременно поляки отбросили пруссаков от Варшавы, а общее число их солдат уже

превысило 100 тыс.

Впоследствии Екатерина Великая заявила: «Я послала две армии в Польшу – одну действительную, другую – Суворова». Она отлично понимала, что армии у Александра Васильевича не было. Он собирал и по-своему обучал войска буквально на ходу. В составе приказа его помощника, генерал-поручика П.С. Потемкина, сохранился бесценный документ: приказ Суворова о боевой подготовке для одоления мятежников [\[10, т. III, № 359\]](#).

«Во всяком случае сражаться холодным оружием. – Приказывал генерал-аншеф. Залп давать за 60-80 шагов, т.е. с 43–57 м. при уставном шаге в аршин. Но если наступающая линия в движении – сразу атаковать в штыки, без пальбы. В походе пехота тренировалась атаковать всеми проверенными Суворовым способами: линией, колоннами и каре, со строгим соблюдением строя. Выбор построения и направления атаки делал командир, не дожидаясь приказов сверху и не тратя время на доклад. Он него требовался только рапорт о победе. Взводные повторяют приказ командира, из которых в кавалерии главный «руби!», а в пехоте и казаках – «коли!», к решительной атаке с криком «ура!». Командиров, не способных отдавать четкие приказы, Суворов велел незамедлительно снимать.

В линиях Суворов рекомендовал старые три шеренги, вместо уставных двух, для усиления штыкового удара. Изначально линии предназначались для залпового, «батального» огня. Генерал-аншеф его признавал при условии, что стрельба ведётся не залпами, которые лишь сотрясают воздух, а прицельно, чему солдат следовало учить. В линиях первую нельзя ставить на колено – все стволы должны стрелять через правое плечо первой шеренги. Ни при каких построениях нельзя делать ни шагу назад: «Шаг назад – смерть. Всякая стрельба кончается штыками».

В линии, когда она стоит, возможен залп, в каре – нет, потому что «каре никогда не стоит на месте». Это строй наступления. В нем стреляют только снайперы и егеря. При атаке кавалерии, линию можно свернуть в каре для защиты своей конницы, но при этом следует продолжать наступление. Колонна ещё более предназначена к движению, чем линия и каре. Для выдвижения к атаке в колонну можно строить и взвод, и батальон, и кавалерийский эскадрон. В колонне пехота сразу берет оружие «по-офицерски», не для стрельбы, но для штыкового удара.

В бою с обученным противником колонну можно развернуть в линию (так Суворов будет через несколько лет бить колонны французов в Италии и Швейцарии). При столкновении с менее организованными силами, подобными туркам, Суворов рекомендовал разворачивать колонны в каре, построенные в шахматном порядке. Полевые укрепления он предлагал атаковать в каре, а более сильные крепости брать «колоннами на штыках».

Атаку каждый командир должен вести на слабую сторону неприятеля. Но – с целью уничтожения главных сил. У поляков сильнейшей была кавалерия. Поэтому «главное правило: неприятельская кавалерия сбита, пехота его пропала». Поляки, совершенно в римском стиле, ставили кавалерию на флангах. При наличии сильной кавалерии, русским следовало создать из нее один сильный фланг, а если кавалерия слаба – спрятать ее в каре.

Суворов начинал службу во главе кавалерийского отряда подвижного корпуса Берга, и всю жизнь уделял особое внимание обучению конников. В Польше его требования к кавалерийской атаке достигли, кажется, пределов невозможного. Его кавалеристы

должны были наносить удар, построившись в одну линию, плотным строем и на самой высокой скорости, в стремительный карьер. «Опровергнув» польскую конницу, следовало без остановки «порубить» стоящую за ней пехоту, даже если пехота имеет резервную линию. Аналогично, «проколов неприятельскую линию пехоты», следовало сразу атаковать скачущую за ней конницу. Обнаружив польскую конницу за линией пехоты противника, атакуемой русской пехотой, наши всадники должны были галопом проскакать сквозь свою пехоту, срубить «даже густую толпу неприятелей», построиться в линию и карьером атаковать конных.

Описанная Суворовым в приказе пробивная сила кавалерии оказалась невозможной даже в наполеоновских войнах, правда, только при столкновении русских и французов. Но полководец очень хорошо представлял себе противника, которого в прошлую войну не раз сметал кавалерией, причем даже малыми силами, как под Ландскроной. Эскадроны Суворова должны были «прокалывать» всё, а заодно брать и незамкнутые с тыла полевые укрепления и «неустанно» преследовать разбитого противника, не давая ему «отдышаться и построиться вновь». Для этого они должны были неустанно тренироваться колоть и рубить на обе стороны на полном скаку, пролетать сквозь строй своей кавалерии с холодным оружием и строй палящей пехоты, «дабы кони приучены были к огню и дыму, как и к блеску холодного оружия, а седок к стремям и поводьям».

Атака на плотный строй противника в карьер была наиболее сложной, но Суворов ставил задачи и полегче, в том числе для казаков, которых он десятилетиями ударной силой не считал. Стремительной атакой в тыл любая, и тяжелая, легкая кавалерия должны были приводить противника в замешательство, захватывать «всякое дефиле, ограждённое пушками»: мосты, плотины, тесные выходы из леса или ущелья. Без маневра такие крепкие места и населенные пункты атаковать вообще не следовало: проще было их обойти, избегнув потерь, если не получалось атаковать неожиданно, «сюрпризом». И отвлекаться на неприятеля в своем тылу не стоило: чтобы разобраться с ним, следовало использовать вторую линию или резерв.

В ходе строевых учений приказ Суворова обязывал не только экономить заряды и в атаке держать пулю в стволе, но учиться хорошо стрелять в мишень, причем «коннице лучше стрелять на скаку». – Удивительный приказ во времена, когда всадники стреляли на шагу залпами. Вопреки распространенному мнению, Суворов требовал учить солдат не только хорошо рубить и колоть, но целиться и попадать.

Передавая этот приказ в войска, Потемкин, служивший с Суворовым еще при Измаиле, требовал правила командующего «затвердить» всем офицерам и «внушить» нижним чинам: «чтоб каждый знал твердо ему предписанное». Понять и исполнять приказ следовало немедленно: «Легко в ученье – тяжело в походе, тяжело в ученье – легко в походе». Сам Потемкин уточнил приказ одним важным пунктом, об обращении с противником и населением.

Приказ самого Суворова гласил: «Сдающимся в плен давать пощаду. Во всех селениях вообще, где неприятель обороняться будет, естественно должно его кончить в домах и строениях. Крайне остерегаться и от малейшего грабежа, который в операциях есть наивреднейший! Иное дело – штурм крепости. Там, по овладении, с разрешения, сколько-то времени законная добыча, подобно тому, что до неприятельского лагеря, по его овладении».

Потемкин добавил верное разъяснение: «Строжайше рекомендую всем господам полковым и батальонным начальникам внушить и толковать нижним чинам и рядовым,

чтобы нигде при переходе местечек, деревень и корчем ни малейшего разорения не делать. К продовольствию войск съестное будет взято по учреждению. И если выше сего сказано, чтоб мстительно наказывать военных поляков и вооружённых обывателей, то напротив того, пребывающих спокойно щадить и нимало не обидеть, чтобы не ожесточить сердца народа и притом не заслужить порочного названия грабителей».

О возможности убийства обывателя приказ не упоминает. В России, в отличие от Речи Посполитой, убийство даже крепостного крестьянина помещиком каралось строжайше (об этом свидетельствуют не только законы, но и уголовные дела). Смертной казни в Российской империи не было со времён Елизаветы Петровны (1741). А в Речи Посполитой даже во времена Суворова применялись публичные и квалифицированные (особо жестокие) виды смертной казни. Сказывалась серьёзная историческая разница культур.

Суворов на склоне лет справедливо сказал незнакомому с русскими порядками художнику-иноземцу, что «во всю жизнь мою никого не сделал несчастным; ни одного приговора на смертную казнь не подписывал». Откуда же взялись в польской, а теперь и в белорусской литературе рассказы, что в 1794 г. суворовские войска проводили массовые казни населения, а вдоль их пути «стояли бесчисленные виселицы»? В современных событиях источниках и даже позднейших воспоминаниях этой лжи нет. Очевидно, публицисты приписали Суворову чуждые нравы Речи Посполитой, в которой шляхта любила «оформлять» свои походы (что на Украину и в Белоруссию, что в Испанию) массовыми казнями для устрашения населения.

* * *

24 августа Суворов, будучи в Варковце, подчинил выделенные ему корпуса генерал-майоров Ф.Ф. Буксгевдена и И.И. Моркова [\[10, т. III, № 361\]](#). 26-го он был уже в Луцке, 30-го в Ковеле [\[10, т. III, № 364, 365\]](#). В ночь на 2 сентября он отдал знаменитый приказ своему квартирмейстеру подпоручику Ф.М. Матушинскому: «В час собираться, в два отправляться, в семь-восемь на месте. Крепок лагерь местом. Смотреть в оба. Сарматы близко!» [\[66, № 483\]](#).

К сражению с 16-тыс. корпусом генерала Сераковского 6 сентября 1794 г. в районе Бреста Суворов имел уже до 13-ти тыс. солдат, включая обозных и кашеваров. Боевые качества противника он оценивал весьма высоко: «Сей мятежнический корпус состоял из лучших их войск, знатной части старых коронной гвардии и иных полков, исправно обученных», при 28 пушках [\[10, т. III, № 369, 370\]](#). Сераковский построил войска перед каменным Крупчицким монастырем, чтобы русские пушки, если осмелятся стрелять, попадали в святыню (поляки потом десятилетиями требовали с Суворова репараций за повреждения в обители). Заросшие лесом холмы прикрывали его фланги, перед фронтом находилась топь.

Суворов повел войска на картечь из пяти вражеских батарей, прямо через болото, которое форсировал под огнем целый час. Сходу опрокинуть поляков не удалось: старая коронная гвардия сражалась насмерть. Русская конница обошла фланги Сераковского, но тот после 10-часового сражения все же смог увести с поля боя часть войск. Суворов провел этот трудный бой лоб в лоб потому, что ему немедленно и непременно нужна была чистая, славная в польском духе победа над лучшими частями мятежников. Два дня спустя он нагнал корпус Сераковского, спрятавшегося в буераках в районе Бреста, и без всяких сантиментов уничтожил начисто [\[10, т. III, № 372, 378\]](#).

Серековский, Понятовский, 4 их офицера и до 70 солдат бежали, чтобы объявить всей Польше: Суворов вернулся! Русские взяли 28 пушек и груды знамен. Сразу после боя генерал-аншеф приказал: «Помогать раненым полякам». А сам еще двое суток с егерями и казаками ловил по лесам всех, кто не сдался в плен. Зачем они это делали, требует объяснения. Ведь каждого, обещавшего больше не поднимать оружия, Суворов отпускал по домам. По опыту прошлой польской кампании он отлично знал, что шляхта с легкостью нарушает такого рода «честное слово». Но полководец был убежден, и не раз объявлял в приказах по войскам, что Бог не дарует победу несправедливому, даже если это русский офицер. Поляк, нарушивший слово, очевидно нес поражение тому отряду, к которому примкнул. Современному человеку может быть непонятной такая логика, но Суворов своими победами доказал ее правоту.

«Veni, vidi, venci» – написал Суворов де Рибасу [\[66, № 485\]](#). Ситуацию в Литве он переломил, но в Польшу не спешил. Легенда о стремительном походе с Юга России на Варшаву разбивается о простой факт: Суворов простоял в Бресте 29 дней, собирая и обучая войска, налаживая снабжение и обеспечивая взаимодействие с русскими частями в Литве и Польше, обеспечивая свои тылы [\[10, т. III, № 374, 381\]](#) и пытаясь договориться с союзниками. Пруссаки оказались безнадёжны, а «австрийцы малосильны» [\[10, т. III, № 402, 403\]](#). Однако сам Суворов уже сформировал из разрозненных отрядов 25 тыс. армию, обучил ее и был готов к походу на Варшаву.

Суворов принял решение нанести концентрированный удар, но какими силами?! Этот вопрос для самого генерал-аншефа был труден, а в историографии – до сих пор не решён. Приказы войскам должен был отдавать Репнин, поэтому попытки Суворова, используя свое старшинство в звании, объединиться с корпусами генерал-поручиков И.Е. Ферзена и В.Х. Дерфельдена не удавались [\[10, т. III, № 379, 380, 382, 383, 390\]](#). Особенно трудно было подчинить старика Дерфельдена [\[10, т. III, № 391, 392\]](#), в будущем – одного из лучших генералов Суворова в Итальянском и Альпийском походах. Разумеется, кавалерия Суворова не стояла на месте. 3 октября казаки генерал-майора Денисова взяли-таки в плен генерала Сераковского, а заодно генерала Каминского и самого Костюшко в сече при Мацевичах [\[10, т. III, № 388\]](#) [\[66, № 488, 489\]](#).

6 октября военный совет Суворова постановил наступать от Бреста на Варшаву, не дожидаясь не только пруссаков, но и Дерфельдена [\[10, т. III, № 393\]](#); 11 октября рапорт о походе был послан Румянцеву [\[10, т. III, № 396\]](#). 15 октября полководец был уже под Варшавой, разгромив 5020 мятежников при селе Кобылка. Мятежники получили помощь из Варшавы, тяжёлое сражение в лесу шло 5 часов, но победа русских была полной: «неприятель весь погиб или взят в плен». Русским досталось знамя, 9 пушек и 850 пленных, в том числе 50 офицеров [\[10, т. III, № 400, 404\]](#) [\[66, № 491\]](#).

Суворову предстояло повторить в Польше подвиг штурма Измаила. Мощно укрепленное предместье столицы Прагу обороняла 26 тыс. армия, «почти все регулярные» [\[44\]](#). С вооружёнными обывателями число мятежников достигало 30 тыс. [\[10, т. III, № 408, 408a, 423\]](#). Прага имела три линии укреплений, на которых стояли 104 пушки, включая большие. Армия Суворова из 5 корпусов (Потемкина и 4-х присоединенных) с 86 пушками насчитывала, если верить подсчетам историков, от 28 до 30 тыс. солдат, в их числе 12 тыс. кавалерии. Соотношение сил было немногим лучше, чем при штурме Измаила, где 31-тыс. армии Суворова противостояли 35 тыс. фанатично настроенных турок с 265 орудиями. Решение атаковать Прагу при таком соотношении сил означало,

что Суворов готов на большие человеческие жертвы. По аналогии: в Измаиле погибло 26 тыс. турок, Суворов потерял до 2 тыс. убитыми и 2,5 тыс. ранеными [\[10, т. II, № 631, 637\]](#).

Однако так ли это, и насколько достоверна цифра 28–30 тыс.? всю польскую кампанию Александр Васильевич действовал чрезвычайно осмотрительно. 18 октября он провел разведку, потеряв из своей свиты одного убитым и двоих ранеными, и убедился, что Прага укреплена превосходно [\[10, т. III, № 402, 403\]](#). Суворов установил, что варшавяне помогали мятежникам только продуктами [\[10, т. III, № 401\]](#). Однако в стране полыхал мятеж. Малейшая неудача штурма – и на русских обрушится вся Польша. Усомнившись, что полководец поставил всю свою армию на карту, мы пересчитали его войска заново. Дело в том, что Суворов, не указывая общей численности армии, точно назвал состав всех 8 колонн при штурме Праги, включая и резерв.

Это 37 батальонов и 2 полка пехоты (еще 4 батальона). Итого 41 батальон средней численностью 850 человек, а штатно (чего редко случалось) – 1000, не считая занятых на хозяйстве. Получается, что у Суворова одной пехоты было от 34850 до 41000. Однако армия имела также сильную кавалерию: 70 регулярных эскадронов по 120–150 клинков и ровно 2680 казаков, – в сумме 8400–10500 человек. Следовательно, армия Суворова насчитывала от 45930 до 48030 бойцов, к которым присоединилось неизвестное нам, но значительное по воспоминаниям современников число волонтеров. О заметной некомплектности подразделений ни Суворов, ни другие участники польском кампании не упоминают. Значит, мы не имеем никаких оснований снижать численность русских войск под Варшавой с 46–48 тыс. до 28–30 тыс.

Для штурма Праги Суворов использовал основную часть этой армии, по нашим подсчетам – 35–41 тыс. Стараясь еще больше увеличить перевес своих войск, он спешил 13 эскадронов Кинбурнских и Смоленских драгун (3300 человек) и присоединил к ним 9 эскадронов Переяславских и Елисаветградских конных егерей, которые должны были войти в Прагу, когда пехота откроет им ворота, а на деле ворвалась ещё раньше, прямо через рвы и валы.

Итак, общее превосходство Суворов обеспечил более чем на треть войска; русских было больше на 16–18 тыс.; превосходство над регулярными польскими частями превышало 20 тыс. В самом штурме русских было даже по диспозиции больше на 5–8 тыс., а реально, когда кавалерия бросилась в Прагу прямо через рвы и валы – больше почти на треть. И это при том, что русские лучше держали строй и атаковали согласованно, добиваясь в каждом пункте решающего преимущества.

Длительное, в 29 дней по подсчёту Суворова [\[10, т. III, № 425\]](#) промедление в Брест-Литовске для сбора всех сил, оказалось оправданным. Он был убеждён, что «Польша требовала массированного удара» [\[66, № 684\]](#). И полководец его в полной мере обеспечил. Под Варшавой он, имея серьезное численное превосходство, наращивал качественное превосходство своих войск.

Войска Суворова неделю учились штурмовать укрепления и доводили эти новые для них новые до автоматизма на специально построенных моделях укреплений. От офицеров и солдат требовалось умение быстро закрывать волчьи ямы плетнями, забрасывать ров фашинами, приставлять и взбегать по широким, «как под Измаилом», штурмовым лестницам: сразу по двое в ряд. При этом егеря тренировались быстрой стрельбе «по головам» скрытого противника. Тренировка охватила все войска, включая корпус Ферзена [\[10, т. III, № 398\]](#).

Суворов, на основе опыта штурма Измаила, составил две диспозиции штурма Праги, главную и дополнительную [\[10, т. III, № 405, 406\]](#). Обе внушались каждому солдату по три раза, чтобы избежать малейших сомнений, что и как делать. Первыми в бой шли «охотники»: добровольцы от полков и волонтеры, которых в армии было в избытке. Их задачей было вызывать огонь на себя, прикрыв идущие следом колонны рабочих с фашинами, плетнями, лестницами и шанцевым инструментом. Каждую их колонну сопровождали, с одной стороны строя, сапёры, с другой – снайперы. Под Измаилом сапёрам пришлось подбирать ружья убитых, чтобы поддержать наступающие колонны. По Прагой вооружены были все, даже у «у рабочих ружья через плечо на погонном ремне». Пропуская мимо себя штурмующие колонны, все должны были стрелять, подавляя оборону неприятеля. К тому же Суворов понимал: на месте они, сделав свое дело, не устоят, и тоже пойдут на штурм.

До команды «Ура!» все должны были идти молча, без выстрела. «Подошли ко рву, – гласил приказ Суворова, – ни секунды не медля, бросай в него фашинник, опускайся в него и ставь к валу лестницы! Охотники, стреляй врага по головам! Шибко, скоро, пара за парой лезь! Коротка лестница? – Штык в вал, лезь по нему, другой, третий. Товарищ товарища обороняй! Став на вал, опрокидывай штыком неприятеля – и мгновенно стройся за валом».

Полководец не сомневался в победе. Однако задачей его было не просто взять Прагу быстро и с минимальными потерями. Не менее важно было спасти от разрушения стоявшую на другом берегу Вислы столицу Польши, Варшаву. Даже в набитой мятежниками Праге мирное население, по возможности, не должно было пострадать, как случилось в Измаиле. Суворов строго приказывал, спустившись с валов и бастионов на улицы Праги, «стрельбой не заниматься; без нужды не стрелять; бить и гнать врага штыком; работать быстро, скоро, храбро, по-русски! В дома не забегать; неприятеля, просящего пощады, щадить; безоружных не убивать; с бабами не воевать; малолеток не трогать!» Солдаты должны были заучить и кричать воюющим полякам: «згода», «отручь бронь» (сдавайся, брось оружие). «Которые положат оружие – тех отделить: вольность, паспорта! Которые же нет – ... бить, кончать в час! ... Строго напоминаю: операцию вести быстро, удар холодным оружием, догонять, бить ... принуждать к сдаче. Дотоле не отдыхать, пока все мятежники взяты не будут».

Пока шли тренировки, передовые отряды Суворова 22 ноября отбросили польские пикеты к Праге. Полководец с генералами изучил неприятельские укрепления вблизи. Данные разведки подтвердились. Польские валы и бастионы были построены по последнему слову военно-инженерной мысли. Все три линии обороны прикрывались перекрестным огнем, подходы к ним были усилены рвами и волчьими ямами. С точки зрения военной науки, штурм был невозможен, а осада была бы крайне трудной.

Суворов надеялся, что польские военачальники с обычным для Западной Европы презрением прошли мимо его опыта штурма Измаила: подвиги русских там почти всегда принижались или даже игнорировались. Исключением был, пожалуй, Фридрих Великий, реально оценивший победы Румянцева над турками, но подавляющее большинство иноземных генералов и в подметки не годилось этому военному гению. Все, что должен был сделать Суворов, чтобы прикрыть шумную и видную подготовку к штурму – это создать видимость осады по классической схеме.

Для этого в ночь на 23 ноября у Праги были возведены три осадные батареи из 16, 22 и 48 орудий. По словам Суворова, эти «батареи были построены только для того, чтобы отвлечь неприятеля от ожидания приступа». Русские пушки открыли огонь на рассвете.

Калибр их не позволял нанести укреплениям серьезный урон. Любой разумный военачальник понял бы, что их пальба бессмысленна. Но пылкие поляки, во-первых, живо включились в перестрелку, а во-вторых – убедились, что все идет по плану: осада началась, как положено, а русские, как обычно ожидают западные генералы, действуют неэффективно, потому что не знакомы с современной военной наукой.

Под прикрытием этого шумного пиротехнического действия войска Суворова выступили из лагерей в 3 часа пополудни 24 октября, на 6-й день после начала подготовки. Сигналом к штурму стала. Как в Измаиле, сигнальная ракета. Она взлетела в 5 утра. Но это был сигнал не для всех колонн. Первая из них выступила, через лес и болотистую протоку, раньше, чтобы атаковать Прагу вдоль Вислы, с нижнего ее течения. Другие колонны атаковали по ракете, кроме двух, которые должны были перейти в наступление, как только мятежники соберут резервы к местам прорывов.

Хорошо продуманная и четко исполненная атака стерла западноевропейскую фортификационную науку в пыль. Польские укрепления и сильный, но неприцельный огонь даже не затормозили русских. Все линии рвов и валов были преодолены, батареи захвачены, бастионы пали. Поляки дрались прекрасно, умирая на месте под ударами штыков. Польская кавалерия в Праге была готова к контрударам. Но они оказались бесполезны: наступавшие плотными рядами русские сметали конницу штыками, даже не замедляя движения. Штурм даже ускорялся сравнительно с диспозицией. Кавалерия Суворова стояла в резерве, дожидаясь, пока строители и саперы засыпят рвы. Но, увидев контратаку шляхетской конницы, два эскадрона Киевского конно-егерского полка сходу перескочили через ров и порубили мятежников. Драгуны по плану атаковали спешившись. Однако основная часть русской кавалерии в карьер пролетела засыпанные рвы и разрушенные валы, ворвавшись на улицы Праги. За ней по открытой дороге в город вошла артиллерия.

Задачей номер один после прорыва в город Суворов ставил захват моста через Вислу. Стоящий на том же месте мост и сегодня соединяет ее восточный и западный берега. Мост этот вел в самый центр Варшавы. Если бы мятежники смогли по нему отступить, бой перекинулся бы в столицу. Суворов это беспокоило крайне. Он требовал уничтожить мост, сомневаясь, что прорвавшийся к нему через Прагу русский отряд сможет сдержать несметные толпы мятежников. Любые войска вязли во взятом штурмом городе, если не из-за сопротивления, то не удержавшись от соблазна грабежей. Но опасения полководца оказались напрасными. Его солдаты пробили укрепления, прошли город, сожгли мост и разоружили большую часть мятежников всего за три часа от начала штурма. Для сравнения: в битве за Измаил только на штурм укреплений ушло 2,5 часа, а сражение на улицах шло еще 8 часов.

Суворов одержал невероятную, блестящую победу с минимальными потерями и надежно спас Варшаву от ужасов войны. Что хулители России могли этому противопоставить? – Верно, только чистейшую ложь и клевету. И, по старой традиции, фальсификация истории непременно должна быть поддержана публицистами из России.

Говоря об ужасах штурма Праги, обычно цитируют рассказ И.И. Круга, якобы выслушанный около 1810 г. и переданный в 1850-х гг. Фаддеем Венедиктовичем (урожденным Яном Тадеушем) Булгариным. Этот сын польского националиста, сосланного в Сибирь за убийство русского и получивший имя в честь Тадеуша Костюшко, укрепился в ненависти к России, когда в чине поручика был уволен из её армии по несоответствию. Вступив в Польский легион, он участвовал в карательных действиях в Испании и походе 1812 г. на Москву. В 1814 г. Булгарин был взят в плен, прощён и

выдвинулся в польской публицистике. В 1819 г. он перебрался в Петербург, где оказался вдруг «русским патриотом», выражая в публицистике позиции III Отделения Е.И.В. Канцелярии. Бессовестный редкостью, Булгарин приписал Клугену польско-французский взгляд, прикрываясь в то же время русским «ура-патриотизмом», за который ему платили. Приведем этот рассказ:

«В нас стреляли из окон домов и с крыш, и наши солдаты, врываясь в дома, умерщвляли всех, кто им ни попадался ... Ожесточение и жажда мести дошли до высочайшей степени ... офицеры были уже не в силах прекратить кровопролитие ... Жители Праги, старики, женщины, дети, бежали толпами перед нами к мосту, куда стремились также и спасшиеся от наших штыков защитники укреплений – и вдруг раздались страшные вопли в бегущих толпах, потом взвился дым и показалось пламя ... Один из наших отрядов, посланный по берегу Вислы, ворвался в окопы, зажег мост на Висле, и отразил бегущим отступление ... В ту же самую минуту раздался ужасный треск, земля поколебалась, и дневной свет померк от дыма и пыли ... пороховой магазин взлетел на воздух ... Прагу подожгли с четырех концов, и пламя быстро разлилось по деревянным строениям. Вокруг нас были трупы, кровь и огонь ... У моста настала снова резня. Наши солдаты стреляли в толпы, не разбирая никого, – и пронзительный крик женщин, вопли детей наводили ужас на душу. Справедливо говорят, что пролитая человеческая кровь возбуждает род опьянения. Ожесточенные наши солдаты в каждом живом существе видели губителя наших во время восстания в Варшаве. «Нет никому пардона!» – кричали наши солдаты и умерщвляли всех, не различая ни лет, ни пола ... Несколько сот поляков успели спастись по мосту. Тысячи две утонуло, бросившись в Вислу, чтоб переплыть. Взято в плен до полуторы тысячи человек, между которыми было множество офицеров, несколько генералов и полковников. Большого труда стоило русским офицерам спасти этих несчастных от мщения наших солдат. В пять часов утра мы пошли на штурм, а в девять часов уже не было ни польского войска, защищавшего Прагу, ни самой Праги, ни ее жителей... В четыре часа времени совершилась ужасная месть за избиение наших в Варшаве!» [\[20, гл. 31\]](#).

Булгарин «запомнил» как хотел и переиначил в своих интересах рассказ генерал-майора Ивана Ивановича фон Клугена – прибалтийского немца, получившего в 1792 г. крест св. Георгия IV степени и чин премьер-майора (в генерал-майоры он вышел при Павле I, а в 1810-х гг. доживал свой век комендантом Кронштадта и шефом гарнизонного полка). По этому рассказу, Клуген командовал в штурме Праги батальоном. Но в списках отличившихся, составленных Суворовым чрезвычайно подробно, его нет, а с диспозицией сражения, трижды объявленной каждому рядовому, он настолько незнаком, что не понял смысла сожжения моста через Вислу. Возможно, Булгарин приписал Клугену повлиявший на него самого рассказ другого немца, Зейме, служившего воспитателем детей и секретарём полномочного министра в Варшаве Игельстрома, сидевшего с ним в польском плену и передававшего слухи, ходившие среди поляков. Столь же вероятно, что Булгарин этот рассказ попросту выдумал, как выдуманы, ничуть не коррелируя с реальными обстоятельствами, большинство западных «свидетельств» о штурме Праги.

Я намеренно привёл это «свидетельство», чтобы показать, чего стоят обвинения Суворова в «кроважности». Мотива «мщения» за погибших при польском восстании русских у солдат не было – они о них просто не знали, а в приказах Суворова и его генералов эта тема *ни разу* не поднималась. Убивать всех, держащих в руках оружие им было предписано, а женщин и детей запрещено – их «добавили» поляки по своему примеру, ведь они убивали в 1792 г. в Варшаве всех русских и их сторонников, не

разбирая пола и возраста. Основная часть мирного населения заблаговременно покинула Прагу и ушла в Варшаву. Оставшиеся в своих домах и не стрелявшие в русских жители не подверглись никакому насилию.

Спасти удалось даже немалую часть из 30 тыс. засевших в Праге мятежников. Убитых, которых Суворов всегда требовал считать точно, оказалось до 12 тыс., в плен было взято 10,5 тыс. Еще около 2 тыс. конных ускакали врасыпную (задерживать их не имело смысла), остальные разбежались по домам. Оцените – более 10 тыс. пленных, которых никто не думал убивать, уподобляясь туркам или полякам, французам или англичанам! В число 12 тыс. убитых вошли все «не наши» трупы, подлежащие захоронению. Их точный счёт не покрывает даже числа безвестно испарившихся защитников Праги – и уж точно не вмещает мирных жителей. Часть мятежников могла потонуть в Висле, часть – сгореть в подожжённых защитниками складах и цейхгаузах. Но сама Прага сожжена не была, а жители её вскоре вернулись по домам. Иначе Суворов не смог бы расквартировать в Праге часть своих войск.

Триумф русской военной мысли, организации и духа был полным. Суворов потерял в Праге убитыми до 300, ранеными до 500 человек: в 6 раз меньше, чем в Измаиле. Не менее важно, что полководец сумел спасти местных жителей, а Варшава не пострадала совсем.

Уже к 27 октября Суворов рассортировал пленных. В Киев к Румянцеву он отослал 3-х пленных генералов, до 500 штаб и обер-офицеров и 4 тыс. рядовых регулярных полков, а также 101 пушку. Репнина генерал-аншеф подчеркнуто не замечал. Отпущены на свободу с паспортами были 6 тыс. мятежников из ополчения. Офицеров русские отпускали с оружием, как было и во время прошлой польской кампании. Заодно Суворов отправил по домам 313 пруссаков и 63 австрийцев, томившихся в польском плену [\[10, т. III, № 408а, 414\]](#).

Особо цинично, с точки зрения польских патриотов, Суворов поступил с Варшавой. Вместо требований капитуляции и репараций он предложил Варшавскому магистрату дружески условиться» о мире. Гражданам города была гарантирована неприкосновенность личности и имущества. В свою очередь магистрат просил Суворова ввести в город русские войска как можно скорее [\[10, т. III, № 409, 411, 412, 425\]](#). Варшавян можно понять: сбежавшись в город, рассеянные русским оружием мятежники могли учинить ужасные беспорядки. Суворов так и сделал.

«Warszawa zbawcy swemu» («Варшава своему избавителю») было написано на выложенной бриллиантами табакерке, которая была вручена Суворову от имени горожан [\[10, т. III, № 436\]](#). Надпись на польском без имени была тем более удачной мыслью, что памятный подарок был явно изготовлен заранее и предназначался тому, что установит свою власть над городом, будь он русский, поляк, австриец или пруссак. Чистосердечный Суворов был растроган и проявил чисто русскую наивность. С поляками, писал он Румянцеву, «всё предано забвению. В беседах общаемся, как друзья и братья. Немцев не любят. Нас обожают» [\[10, т. III, № 437\]](#). Русские войска торжественно вступили в Варшаву её спасителями, восторженно приветствуемые населением. В городе они освободили из плена до 1400 русских военных и чиновников.

Громкая победа и милосердие Суворова убедили многих мятежников сложить оружие. Поляки сдавались ротами, эскадронами, батальонами и бригадами. Суворова особенно радовало, что война завершилась бескровно и весьма быстро. Он был убежден, что

любое продолжение войны есть зло. А польская кампания с момента выступления из Бреста продлилась лишь 44 дня [\[10, т. III, № 425\]](#). «Виват, великая Екатерина! – Рапортовал Суворов Румянцеву 8 ноября 1794 г. Всё кончено, сиятельнейший граф! Польша обезоружена» [\[10, т. III, № 427\]](#). В «Окончателъном журнале» польской кампании от 13 ноября генерал-аншеф уверил фельдмаршала, что «огромное ополчение польских войск, и всего народа возмущившегося силы низложены до конца. Сия дерзновенная рать, противоборствовавшая целое лето с шумом важности, ныне победоносными ее императорского величества войсками, мне вверенными, разрушена, обезоружена, обращена в ничто. Блистательное взятие Праги и истребление тут при штурме и на баталии знатнейших мятежников армии потрясло до основания все их силы. Покорение Варшавы привело их в состояние невозможности противиться победителям. Неутомимая погоня вслед за ними отправленных войск довершила последнее их уничтожение!».

Журнал четко представил динамику событий. 24 октября в Польше было 30 тыс. мятежников, 4 ноября – 20 тыс., 13 ноября никакой силы русским в стране уже не противостояло. Солдаты и офицеры были сразу отпущены по домам. Предводители восстания, дав слово не воевать против России, получали паспорта для жизни на родине или объезда за границу. Уже к 20 ноября паспорта были выданы 24972 повстанцам, не считая двух генералов [\[10, т. III, № 441\]](#). Эта работа продолжалась и впоследствии. Из почти 100 тыс. повстанцев было отправлено в Россию и некоторое время удерживалось в плену менее 6 тыс., остальные были реабилитированы сразу по сдаче оружия.

«Так кампания кончена! – рапортовал Суворов. – Везде спокойно, войск польских больше не существует, только его величеству королю оставлено гвардии 600 пехоты и 400 кавалерии. Сверх того, в Варшаве 300 полицейских солдат» [\[10, т. III, № 431\]](#). Полководец управлял мирной Польшей с января по октябрь 1795 г. [\[10, т. III, № 429-513\]](#), поступая с поляками «весьма ласково и дружелюбно» [\[10, т. III, № 419\]](#). Царский двор был обозлен кротостью и бескорыстием Суворова, в том числе тем, что он «всех генерально поляков, не исключая и главных бунтовщиков ... отпускает свободно в их дома, давая открытые листы» [\[66, № 500, прим. 4\]](#), но вынужден хоть на время спрятать ядовитые жала.

* * *

«Ура! Фельдмаршал Суворов! – поздравила Александра Васильевича императрица. – Вы знаете, что я без очереди не произвожу в чины. Не могу обидеть старшего; но вы сами произвели себя фельдмаршалом!»!

Суворов был счастлив, обойдя в чинах многих соперников. На грудь ему летели ордена разных государств. Слава полководца была неоспорима по всей Европе. Но фельдмаршал не обольщался прочностью своего положения. Осыпанный милостями после штурма Измаила, он уже был отправлен с глаз долой в Финляндию. Он знал, что ядовитые стрелы уже летят ему в спину. Суворов «всегда говаривал, что у него семь ран: две, полученные на войне, а пять — при дворе, или политические. И сии пять, по его словам, были гораздо мучительнее первых» [\[70, с. 51\]](#).

В финале Польской кампании полководец прекрасно понимал, какие планы Петербурга на долгую войну он нарушил и скольким влиятельным лицам перешёл дорогу. «Миротлюбивые фельдмаршалы при начале польской кампании провели всё время в заготовлении магазинов, – говорил он. – Их план был сражаться три года с возмущившимся народом. Какое кровопролитие! Я пришёл и победил. Одним ударом приобрёл я мир и положил конец кровопролитию» [\[71, с. 44-45\]](#).

Суворов искренне любил Польшу, в чем признавался в письмах разным лицам множество раз. Однако и после прежней его Польской кампании страна была разделена, и теперь, 24 октября 1795 г., произошел новый раздел: через неделю после отзыва Суворова, который был резко против этого. Он был глубоко убежден, что целью любой войны может быть только справедливый и прочный мир. Но мир несправедливый, лишаящий одну из сторон чего-то для нее крайне существенного, в принципе не мог быть прочным.

Польшу разделили Австрия и Пруссия, Литву – Пруссия и Россия, которой отошли также украинские и белорусские земли. Объективно оценить это деяние польским историкам и публицистам, даже несмотря на то, что многие из них с 1815 г. жили в Царстве Польском, в составе Российской империи, а другие в Польской народной республике, союзнице СССР, оказалось довольно трудным. Куда проще было обвинить в разделе Польши и Литвы Суворова, приписав ему заодно выдуманные зверства. Это началось еще при жизни полководца и вызывало у него недоумение. Сам он с уважением относился к неприятелям, и врагами их всех, в частности поляков, никогда не считал. У Суворова был лишь один истинный враг – война, с которой он стремился покончить, чтобы сократить число жертв. Именно в излишнем милосердии к побежденным его и обвиняли при дворе Екатерина II, сетуя, что он «всех генерально поляков, не исключая и главных бунтовщиков ... отпускает свободно в их дома, давая открытые листы» [\[66, № 500, прим. 4\]](#).

Суворов и во второй Поольской кампании, так же, как и в первой, был твёрд в убеждении, которое он внушал солдатам в «Науке побеждать»: что даже вооруженного противника «грех напрасно убивать, они такие же люди», а сложивший оружие достоин свободы с «забвением всего происшедшего». Это человеколюбие полководца и тогда, и впоследствии подвергалось сомнению петербургским обществом и полностью отвергалось западной публицистикой, стремившейся представить Суворова кровожадным монстром. Под сомнение благодетельность его гуманизма ставила, казалось бы, и сама история. Отпущенный полководцем с паспортом, т.е. прощенный им генерал Ян Домбровский сформировал под началом Бонапарта в Италии два польских легиона (1797), которые Суворову пришлось разгромить в 1799 г. при Треббии и Нови. Александр Васильевич не напомнил legionерам, что многие из них нарушили слово не воевать против русских, и вновь отпустил взятых в плен поляков. Отправь он legionеров в плен в Россию, они не погибли бы чуть не в полном составе на о. Сан-Доминго. Возможно, яви полководец на польской земле зверства, которые ему безосновательно приписывали, 100 тыс. поляков не пали бы под знаменами Наполеона, воюя против России в 1812 г.

Понятно, что такая игра в альтернативную историю нереальна. Не будь Суворов человеколюбив и милосерден, он не был бы Суворовым. Его православное мировоззрение имело в основе постулат о свободе воли, отвергая представления о предопределенности судеб и событий. Отпуская на волю побежденных поляков, полководец раз за разом давал каждому из них возможность встать на сторону мира и добра, или хотя бы убедиться, что правда на стороне русского оружия. Убежденный, что противник – такой же человек, как он сам, Александр Васильевич верил, что побеждаемые им на поле брани поляки в итоге поймут, что "не в силе Бог, но в правде". Это изречение почитаемого Суворовым патронального святого, Александра Невского, который так же отпускал пленных и раз за разом предлагал противникам добрый мир, всю жизнь служило великому русскому полководцу руководством к действию. Добрые намерения в отношении поляков и Польши были для Суворова залогом победы и

диктовали человеколюбие по отношению к побежденным.

Библиография

1. Bartoszewicz K., Dzieje insurekcji Kosciuszowskiej. Wieden: Nakł. F. Bondego, 1909. 368 s.
2. Beauchamp A. de. Histoire des campagnes du meréchal de Souworow. Vol. 1-3. Paris: Le Normant, 1802. 217, 238, 212 p.
3. Blease W. L. Suvorof. London: Constable, 1920. 366 p.
4. Guillaumanches-Duboskage. Précis historique sur le célèbre feldmaréchal compte Souworov Rimnikski, prince Italikski. Hamburg: François Perthès, 1808. 352 p.
5. Herbst S. Z dziejów woskowych powstania kościuszkowskiego 1794 roku. Warszawa: Książka i Wiedza, 1983. 470, [1] s.
6. Longworth Ph. The Art of Victory: The Life and Achievements of Field-Marshal Suvorov. London: Holt, Rinehart and Winston, 1965. 350 p.
7. Łukaszewicz W., Targowica i powstanie Kosciuszowskie, Warszawa: Wydawn. Ministerstwa Obrony Narodowej, 1953. 298 s.
8. Spalding H. S. Suvoroff. London: Chapman and Hall, 1890. 243 p.
9. А. В. Суворов. Из материалов, опубликованных в связи со 150-летием со дня смерти 1800–1950. М.: Воениздат, 1951. 140 с.
10. А. В. Суворов. Документы. Т. 1–4. М.: Воениздат, 1949–1953. XLVIII, 792 с.; XXIV, 688 с.; XXVII, 676 с.; XXXII, 676 с.
11. Александр Васильевич Суворов глазами современников / Сост. Э. И. Юрченко. М.: Ком. по телекоммуникациям и средствам массовой информации. Правительства Москвы, 1999. 70, [11] с.
12. Александр Васильевич Суворов: библиографическое пособие / Сост. К. Н. Шапошникова. Белгород: Белгор. гос. универс. науч. б-ка, 1999. 16 с.
13. Александр Васильевич Суворов: к 250-летию со дня рождения / отв. ред. Л. Г. Бескровный. М.: Наука, 1980. 280 с.
14. Анекдоты Князя Итальянского Графа Александра Васильевича Суворова-Рымникского / Собрал из разных повременных изданий И. Зейдель. СПб.: тип. А. П. Червяков, 1865. 73 с.
15. Антинг И. Ф. Жизнь и военные деяния генералиссимуса, князя Итальянского графа Суворова-Рымникского. Ч. 1–3. СПб.: тип. Сената у Селивановского, 1799–1800. 281, [1] с.
16. Богданов А. П. Суворов. Правила военного искусства. М.: Академический проект, 2017. 468 с.
17. Богданович М. И. Походы Суворова в Италии и Швейцарии. СПб.: Воен. тип., 1846. [4], 214 с.
18. Боголюбов А. Н. Полководческое искусство А. В. Суворова. М., Воениздат, 1939. 160 с.
19. [Бошан А. де.] Победы князя Итальянского графа Александра Васильевича Суворова-Рымникского. Кн. 1–3. М.: в Университетской тип., 1809–1810. 320, 400, 368 с.
20. Булгарин Ф. В. Воспоминания Фаддея Булгарина: отрывки из виденного, слышенного и испытанного в жизни. Ч. 5–6. СПб.: тип. Карла Крайя, 1849. 324 с.
21. В.С. Дух великого Суворова, или анекдоты подлинные о князе Итальяском графе Александре Васильевиче Суворове-Рымникском. СПб.: При Имп. Академии наук,

- изд. И.И. Заикин, 1808. [2], XIV, 140, [2], 141-160, 48 с.
22. Восстание и война 1794 года в Литовской провинции (по документам архивов Москвы и Минска). Минск: Молодежное научное издательство, 2001. 210 с.
23. Гейсман П. А. «Конец Польши» и Суворов. СПб.: Экон. типо-лит., 1900. 62 с.
24. Генералиссимус Суворов. Сб. документов и материалов, М.: Воениздат, 1947. 363 с.
25. Геруа А. Суворов-солдат 1742–1754. (Итоги архивных данных о его службе нижним чином) / Под ред. Н. А. Епанчина. СПб.: тип. Глав. упр. Уделов, 1900. [2], 104 с.
26. Глинка С. Жизнь Суворова, им самим описанная, или собрание писем и сочинений его. Ч. I–II. М.: Тип. С. Селивановского, 1819. [4], 148 с.
27. Дубровин Н. Ф. А. В. Суворов среди преобразователей екатерининской армии. СПб.: тип. Имп. Академии наук, 1886. VI, [2], 196 с.
28. Ивашев П. Н. Из записок о Суворове / Сообщ. В. А. Соллогуб // Отечественные записки, 1841. Т. 14. № 1. Отд. 2. С. 1–9.
29. История Польши. Т. 1. Изд. 2. М.: Изд. АН СССР, 1956. 583 с.
30. Калинин С. Суворов. Очерк жизни и деятельности великого полководца. М.: Воениздат, 1938. 88 с.
31. Клаузевиц К. фон. 1799 год. Т. 1–2. М.: Воениздат, 1938–1939. 298, 260 с.
32. [Козлов С. В., Картыков М. Н.] Суворов. 1730–1800. Очерки из его жизни. / СПб.: изд. кн. С. Н. Гольцын. 1913. [6], 271 с.
33. Колесников Н. В. Суворов: военно-исторический очерк с рисунками, портретами и пятью картами кампаний. Шанхай: Книгоизд-во А.П. Малык и В.П. Камкина, 1932. 142 с.
34. Левшин В. Собрание писем и анекдотов, относящихся до жизни Александра Васильевича, князя Италийского, графа Суворова-Рымникского. М.: тип. С. Селивановского, 1809. IV, [4], 205 с.
35. Лопатин В. С. Потёмкин и Суворов. М.: Наука, 1992. 287, [1] с.
36. Лопатин В. С. Светлейший князь Потёмкин. М.: Олма-Пресс, 2004. 475, [3] с.
37. Марченко М. К. Александр Васильевич Суворов в своих рукописях. СПб., тип. Глав. упр. Уделов, 1900. 71 с.
38. Мещеряков Г. П., Бескровный Л. Г. А. В. Суворов [М.]: Госиздат, 1946. 87 с.
39. Милютин Д. А. Жизнь и подвиги графа Суворова. СПб.: Тип. штаба военно-учебных заведений, 1845. 145 с.
40. Милютин Д. А. История войны 1799 г. между Россией и Францией в царствование императора Павла 1. Изд. 2. Т. 1–3. СПб.: Тип. штаба военно-учебных заведений, 1857. XVI, [2], 652 с.; 566 с.; 670, [1] с.
41. Михайлов О. Н. Суворов. М.: Молодая гвардия, 1973. 496 с.
42. Орлов Н. А. Разбор военных действий Суворова в Италии в 1799 году. СПб.: тип. Тренке и Фюсно, 1892. VIII, 362 с.
43. Орлов Н. А. Штурм Измаила Суворовым в 1790 году. СПб.: тип. Тренке и Фюсно, 1890. [2], 197 с.
44. Орлов Н. А. Штурм Праги Суворовым в 1794 году. СПб.: тип. Штаба войск гвардии и Петерб. воен. окр., 1894. 136, II с.
45. Осипов К. Суворов. М., Госиздат, 1938. 480 с.
46. Петров А. Н. Война России с Турцией и польскими конфедератами. 1769–1774. Т. 1–5. СПб.: тип. Э. Веймара, 1866–1874. [8], III, 332, [7] с; [4], III, 267, [36] 269–485, [30] с; [4], IV, 322, [1] с.; 2, III, 210, [1] с.; [2], IV, 234, [2], 157 с.

47. Петров А. Н. Вторая турецкая война в царствование императрицы Екатерины II. 1787–1791. Т. 1–2. СПб.: тип. Р. Голике, 1880. 762, 688 с.
48. Петрушевский А. Ф. Генералиссимус князь Суворов, Изд. 2. СПб.: тип. М.М. Стасюлевича, 1900. 716, [1] с.
49. Петрушевский А. Ф. Краткий обзор суворовской литературы русской, французской и немецкой по 1903 год. СПб.: тип. М.М. Стасюлевича, 1903. [4], 268 с.
50. Пигарев К. В. Солдат-полководец. Очерки о Суворове. М.: Воениздат, 1943. 176 с.
51. Письма и бумаги А. В. Суворова, Г. А. Потёмкина и П. А. Румянцева. СПб.: Воен. учен. ком. Главного штаба, 1893. XXIII, 384, XIV с.
52. Письма и бумаги Суворова. Т. 1. Письма 1764–1781 / Объяснил и примечаниями снабдил В. Алексеев. Пг.: тип. В.Д. Смирнова, 1916. XIV, 462 с.
53. Полевой Н. А. История князя Итальянского, графа Суворова-Рымникского, генералиссимуса российских войск. СПб.: тип. Journal de St.-Petersbourg, 1843. [8], IV, 336 с.
54. [Попадичев И. О.] Воспоминания суворовского солдата. СПб.: Воен.-учен. ком. Гл. Штаба, 1895. [2], 90 с.
55. Раковский Л. Генералиссимус Суворов. Л.: Госполитиздат, 1950. 588 с.
56. Рогулин Н. Г. «Полковое учреждение» А. В. Суворова и пехотные инструкции екатерининского времени. СПб.: ИПП Искусство России, 2005. 247 с.
57. Ростунов И. И. Генералиссимус Александр Васильевич Суворов. М.: Воениздат, 1989. 494, [1] с.
58. Рыбкин Н. Генералиссимус Суворов. Жизнь его в своих вотчинах и хозяйственная деятельность. М.: тип. Ф. Иогансон, 1874. [2], II, 158 с.
59. Сакович П. М. Действия Суворова в Турции в 1773 году. СПб.: тип. К. Край, 1853. 98 с.
60. Сакович П.М. Исторический обзор деятельности графа Румянцева-Задунайского и его сотрудников: Прозоровского, Суворова и Бринка с 1775 по 1780 г. в 3 т. М.: тип. А. Сёмина, 1858. 88, 92, 82 с.
61. Сергеев И. Домашние привычки и частная жизнь Суворова. Из записок отставного сержанта Ивана Сергеева, находившегося при Суворове шестнадцать лет безотлучно // Маяк, журнал современного просвещения, искусства и образованности. 1842. Т. 1. Кн. 2. С. 100–108.
62. Смит, Фридрих фон. Суворов и падение Польши. Ч. 1–2 / Под ред. кн. Голицына. СПб.: тип. Э. Веймара, 1866–1867. XXXVIII, 362, [2] с.; [4], III, [1], 355, [5] с.
63. Соловьёв В. А. Суворов на Кубани, 1778–1793. Краснодар: Кн. издательство, 1986. 190 с.
64. Старков Я. Рассказы старого воина о Суворове. М.: изд. Москвитянина, 1847. [2], II, 482 с.
65. Суворов А. В. Великий сын России. М.: Триада-Х, Успех, 2000. 318 с.
66. Суворов А. В. Письма / Подгот. В. С. Лопатин. М.: Наука, 1986. 808 с.
67. Суворов в сообщениях профессоров Николаевской академии генерального штаба 1800 г. – 6 мая 1900 г., [кн. 1–2], СПб.: Типо-лит. А.Е. Ландау, 1900–1901. XXX, 254 с.; 2], 349 с.
68. Усов П. История Суворова. СПб.: тип. товарищества М.О. Вольф, 1900. [4], 292, III, III с.
69. Фон-Рединг-Биберегг. Поход Суворова через Швейцарию 24 Сентября – 10 Октября 1799 года / Пер. полковник Е. И. Мартынов. СПб.: Т-во Художественной печати,

1902. 140 с.

70. Фукс Е. Б. Анекдоты князя Италийского, графа Суворова Рымникского. СПб.: тип. А. Смирдина, 1827. [2], XIV, 193 с.
71. Фукс Е. Б. История генералиссимуса, князя Италийского, графа Суворова-Рымникского. Ч. 1–2. М.: 1811. [8], 187 с.; [6], 178 с.
72. Фукс Е. Б. История российско-австрийской кампании 1799 г. под предводительством генералиссимуса, князя италийского, графа Александра Васильевича Суворова-Рымникского. Ч. 1–3. СПб.: тип. Н. С. Всеволожского, 1825–1826. 463 с.; 756 с.; 708 с.
73. Цветков С. Э. Александр Суворов. 1730–1800. М.: 2005. 492 с.
74. Шишов А. В. Генералиссимус великой империи. М.: Центрполиграф, 2005. 778 с.
75. Штурм Праги 24 октября 1794 года. М.: тип. Августа Семена, 1835. 7 с.
76. Юхо Я., Емельянчук У. Нарадзіўся я ліцвінам ... Мінск: «Навука і тэхніка», 1994. 86 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

История России богата как героическими, так и трагическими событиями, а многие выдающиеся исторические личности до сих имеют полярные оценки. Приведем здесь такие имена, как Иван IV, Петр I, Иосиф Сталин, которых одни люди проклинают, а другие восхваляют. К сожалению, в нашей традиции имеет место быть кардинальный пересмотр оценок не только исторических событий, но и исторических личностей: это характерно, например, как для 1920-х гг., так и для периода Перестройки. Напомним, что в конце 1980-х гг. на волне, с одной стороны, демократизации, а с другой стороны всеобщей коммерциализации, рынок постепенно наводнила масса псевдоисторической литературы, в которых пересматривались привычные исторические стереотипы, причем зачастую без весомых доказательств. К сожалению, одной из таких фигур, не избежавшей мифотворчества, стал и Александр Васильевич Суворов.

Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование статьи, предметом которой является польская кампания 1794 г. в биографии А.В. Суворова. Автор ставит своими задачами раскрыть обстоятельства кампании, проанализировать взгляды А.В. Суворова на польское восстание, а также определить его мировоззренческие установки относительно войны, в целом.

Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, объективности, методологической базой исследования выступает историко-генетический метод, в основе которого по определению академика И.Д. Ковальченко находится «последовательное раскрытие свойств, функций и изменений изучаемой реальности в процессе ее исторического движения, что позволяет в наибольшей степени приблизиться к воспроизведению реальной истории объекта», а его отличительными сторонами выступают конкретность и описательность.

Научная новизна статьи заключается в самой постановке темы: автор на основе различных источников стремится охарактеризовать польскую кампанию 1794 г. А.В. Суворова.

Рассматривая библиографический список статьи, как позитивный момент следует отметить его масштабность и разносторонность: всего список литературы включает в

себя свыше 70 различных источников и исследований, что само по себе говорит о том огромном объеме подготовительной работы, который проделал ее автор. Источниковая база статьи представлена прежде всего опубликованными письмами и бумагами А.В. Суворова, а также другими документами. Из используемых исследований отметим труды Д.А. Милютина, В.С. Лопатина, С.Э. Цветкова и других авторов, в центре внимания которых находятся различные аспекты изучения биографии А.В. Суворова. Заметим, что библиография обладает важностью как с научной, так и с просветительской точки зрения: после прочтения текста читатели могут обратиться к другим материалам по ее теме. В целом, на наш взгляд, комплексное использование различных источников и исследований способствовало решению стоящих перед автором задач.

Стиль написания статьи можно отнести к научному, с элементами публицистики, вместе с тем доступному для понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории, всем, кто интересуется как биографией А.В. Суворова, в целом, так и его польской кампанией, в частности. Аппеляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи.

Структура работы отличается определенной логичностью и последовательностью, в ней можно выделить введение, основную часть, заключение. В начале автор определяет актуальность темы, показывает, что «спасение Варшавы и освобождение Польши от бунтовщиков в 1794 г. – великий и незаслуженно обойденный историками подвиг Суворова». Раскрывая мировоззрение прославленного полководца, автор обращает внимание на то, что «задачами армии, которые Суворов сформулировал к концу первой Польской кампании 1769–1772 гг. и упорно развивал в дальнейшем, было пресечение войны и спасение жизней людей – в указанной последовательности – путём стремительного разгрома главных сил неприятеля, лишения его способности к сопротивлению и умиротворения милосердием». Вместе с тем, как указывает автор рецензируемой статьи, «объективно оценить это деяние польским историкам и публицистам, даже несмотря на то, что многие из них с 1815 г. жили в Царстве Польском, в составе Российской империи, а другие в Польской народной республике, союзнице СССР, оказалось довольно трудным».

Главным выводом статьи является то, что А.В. Суворов «с уважением относился к неприятелям, и врагами их всех, в частности поляков, никогда не считал. У Суворова был лишь один истинный враг – война, с которой он стремился покончить, чтобы сократить число жертв».

Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, вызовет читательский интерес, а ее материалы могут быть использованы как в курсах лекций по истории России, так и в различных спецкурсах.

В то же время к статье есть замечания:

1. Необходимо в ряде случаев изменить стилистику («Значит ли это, что жизнь, военная мысль и деяния лучшего полководца России нам сегодня хорошо известны? – С сожалением должен констатировать, что нет»).
2. В статье надо усилить заключительные выводы, обобщив собранные материалы.
3. Все цитаты в тексте необходимо снабдить сносками.
4. Читателям было бы интересно подробнее узнать взгляды современных польских историков о А.В. Суворове.

После исправления указанных замечаний статья может быть рекомендована для публикации в журнале «Исторический журнал: научные исследования».

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Отзыв

На статью «Польская кампания А.В. Суворова 1794 г.: правда и мифы»

Предмет исследования обозначен в названии и разъяснен в тексте.

Методология исследования Методология базируется на принципах научности, объективности, системности и историзма. В работе использованы специальные исторические методы: историко-хронологический, историко-системный, историко-сравнительный и т.д.

Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью осмысления места и значимости личности гениального полководца А.В. Суворова, его ратных подвигов, его мировоззрения и его дел. Автор отмечает, что на протяжении двух столетий подменяли жизнь и мысль Суворова мифом о изначально непобедимые работы определяется постановкой проблемы и задач исследования. В работе на широком круге источников, писем и материалов самого А. А. В. Суворова, его современников Г. А. Потёмкина и П. А. Румянцева и др. исследуется его жизнь, дела, мировоззрение и развенчиваются мифы о его жестокости и кровожадности.

Стиль, структура, содержание. Стиль статьи научный, есть элементы описательности и также активно используется полемический стиль. Структура работы направлена на достижение цели и задач исследования. В начале работы автор дает список работ, в которых исследуется биография А.В. Суворова, затем отмечаются фундаментальные труды, посвященные отдельным периодам и сторонам жизни и военной деятельности полководца, затем сборники статей, в которых исследуются деяния и военная мысль А.В. Суворова. рассмотрены в солидных сборниках статей. Автор отмечает работы, в которых «изданы бесчисленные анекдоты об Александре Васильевиче, среди которых есть ценные заметки людей, хорошо его знавших, таких, как князь П.И. Багратион (в передаче его адъютанта Старкова и др.». Автор особо отмечает, что письменное наследие самого полководца, детально характеризующее его жизнь, мысль и труды, издавалось с XIX и в настоящее время полностью опубликовано в научных изданиях. Далее автор пишет о том, что исследователи не вникали серьезно в мировоззрение А.В. Суворова и просто подменяли его мысли, лепя из него изначально гения военного дела. Большое внимание в статье уделено Польскому походу А.В. Суворова и в статье на конкретных материалах развенчивается миф о жестокости полководца во время проведения польской кампании. Автор пишет, что «нелепые обвинения против Суворова могут представлять интерес при анализе характера и намерений лиц, их выдвигавших. К Александру Васильевичу они имеют отношение лишь в том смысле, что до сих пор используются недобросовестными историками и публицистами, имеющими целью ложью «освежить» свои бессмысленные суждения о полководце, действия и мотивы которого не умеют и не пытаются понять». Автор подчеркивает, что Суворов во время первой и второй Польских кампаний, «был твёрд в убеждении, которое он внушал солдатам в «Науке побеждать»: что даже вооруженного противника «грех напрасно убивать, они такие же люди», а сложивший оружие достоин свободы с «забвением всего происшедшего». Это человеколюбие полководца и тогда, и впоследствии подвергалось сомнению петербургским обществом и полностью отвергалось западной публицистикой, стремившейся представить Суворова кровожадным монстром». Суворов же был милосерден и его православное мировоззрение имело в основе постулат о свободе воли, отвергая представления о предопределенности судеб и событий. Основной вывод автора статьи о его польской кампании заключается в том, что «добрые намерения в отношении поляков и Польши были для Суворова залогом победы и диктовали

человеколюбие по отношению к побежденным». Текст статьи логично выстроен и последовательно изложен.

Библиография работы насчитывает 76 источников: это работ о жизни (биографии), его основных военных кампаниях, статьи, посвященные его походам, его письма и многое-многое другое. Достоинство — работы- это библиография работы, она показывает, что автор хорошо разбирается в теме и его симпатия к личности А.В. Суворова чувствуется при чтении статьи. Его доводы о том, что А.В. Суворов был милосерден к противнику убедительны.

Апелляция к оппонентам. Апелляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи и в библиографии.

Выводы, интерес читательской аудитории. Работа без сомнения будет представлять интерес для специалистов и широкого круга читателей.